

Интересно, что в это время значительно изменяется архитектура общественных зданий. Широко применяются аркады и сводные конструкции, что приводит к обеднению внешней пластичной формы здания. Напротив, внутреннее убранство становится необычайно богатым и разнообразным: мраморные и мозаичные полы, стены, украшенные цветными мраморными плитами или рельефными орнаментами, являются типичными для этого времени.

IV период охватывает вторую половину V и VI в. н. э. Это время обновления города после разрушения его варварами. Строительная активность этого периода ограничивается, главным образом восстановлением старых зданий и приспособлением их к новому назначению. Часто встречается переграждение уличных портиков, а также портиков общественных зданий или разрушенных богатых домов для устройства небольших помещений.

Дальнейшую историю города трудно проследить из-за плохой сохранности верхних горизонтов культурного слоя, сильно поврежденных позднейшими перекопами. Все же в нескольких местах можно было констатировать следы аварской и славянской культур. Среди них особенно важны группа аварских погребений с конскими захоронениями, открытая в комплексе центральных общественных зданий античного города, а также раннеславянский могильник X—XI вв., открытый над развалинами виллы с перистилем в юго-восточной части города.

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF ANCIENT SIRMIIUM (1957—1967)

by M. B. Parović-Pešikan

The excavations at Sirmium have made it possible to distinguish four building periods in this ancient Roman city. The little that remains of period I (first and second centuries A. D.) indicates a small town built mostly of wood. For period II (third century) there is evidence of intensive construction activity devoted to rebuilding already inhabited parts of the town. In the third to fourth centuries (period III) the emphasis was on monumental and decorative building. The high point was reached in the fourth century, when Sirmium became an important city in the Roman province of Lower Pannonia (Pannonia Inferior) and a site of imperial residences. Excavations have uncovered several monumental structures: public baths (*thermae*), a granary (*horreum*), a basilica, the remains of a large building which may be tentatively identified as a *palatium imperiale* and a peristyle villa (or smaller palace). Period IV embraces the second half of the fifth and the sixth century, when the city was rebuilt after its destruction by the barbarians. Construction activities were confined to the restoration of older buildings and their adaptation to new purposes. An artisan quarter was established near the docks of the third and fourth centuries and a new city quarter near the north city wall, where settlement began in the second century A. D. and building and rebuilding went on in the third and fourth centuries.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НАХОДКИ ЦИЛИНДРОВ-ПЕЧАТЕЙ В ФИВАХ И СПОР О КАДМЕ

Под современным рынком Фив в центре города расположена площадь с дворцом Кадма. Возвышенность Кадмеи (Фив) — около 700 м длины и около 300—400 м ширины. Это — четыре холма, связанные друг с другом и постепенно поднимающиеся с севера на запад, замыкаются более высоким холмом, на котором некогда возвышался дворец — «Дом Кадма».

В 1906 и в 1921 гг. А. Керампулос раскапывал первый дворец, сооруженный, как полагают, приблизительно на 30 лет ранее второго дворца.

В 1963 г. при подготовке постройки многоэтажного дома на ул. Антигоны были снесены два жилых дома. При расчистке мусора выявилась часть псодомной стены классического периода. К западу от нее (в юго-западном углу) под римским бассейном показались восточные и северные стены толщиной от 1 до 10 м, относящиеся к микенскому периоду: южная стена плохой сохранности, а восточная скрыта под соседним домом. Ориентация второго дворца Кадма соответствовала параллелям улиц современных Фив. По определению акад. Сп. Маринатоса, дворец Фив был самым обширным из всех микенских дворцов и, может быть, несколько более ранним по датировке¹. Это — первый по времени дворец на территории Греции. Первый дворец, раскопанный А. Керампулосом, носил следы сильного пожара. Второй дворец также погиб от огня и превратился в руины, не подвергаясь ограблению. Таким образом, традиция была права, приписывая разрушение дворца не нападению врагов, но пожару, вернее всего молнии, попавшей во дворец, как не без юмора отмечает Сп. Маринатос, «в результате провокации Семелы»².

На всей раскапываемой площади сохранились фрагменты фресок и ценная керамика. Видимо, обрушившаяся часть стены относилась ко второму этажу. Под ее обломками были найдены мелкие золотые ювелирные изделия, около 100 бусин из агата, предметы из слоновой кости очень тонкой работы, оружие и бронзовые сосуды вместе с большим количеством полудрагоценных камней.

Совершенной неожиданностью оказались найденные здесь же восточные цилиндры-печати наряду с местными фиванскими печатями. Следует также упомянуть о небольшой серии табличек слогового письма В. Они были найдены в постройке (условно называемой «арсеналом») вблизи древних ворот Пройта вместе с фрагментами бронзового оружия и бронзовыми уздечками для лошадей. Все таблички слогового письма В относятся к одному и тому же имени, поставленному в родительном падеже: PE-PI-TE-ME-NO-IO (имя типа Тисаменос, Акуменос и др.).

¹ Sp. Marinatos, 'Ελίκη, Θήρα, Θήβαι, «Athens Annals of Archaeology», 1968, № 1, стр. 9—12 (греч. текст), 16—17 (англ. текст, сокращенный).

² Там же, стр. 16. Возможно, что эти два дворца были близкими по датировке.

Основная трудность дальнейших раскопок состоит в приобретении земли, поскольку древнее местоположение дворца находится под центром современных Фив³.

Наиболее интересная (даже сенсационная) находка — это цилиндры-печати (всего 39); 32 — из лазурита с восточными сценами, которые иногда сопровождались текстом, иногда — только рисунками, один цилиндр — только текстом; есть изображения и местных фиванских мастеров. И цилиндры-печати, и драгоценные предметы плотно прилегали друг к другу, по-видимому, они упали со второго этажа вместе с другими драгоценными украшениями (ПЭ III А с керамикой ПЭ III В).

Еще в 1937 г. Сп. Маринатос раскопал другую часть Кадмейона и тогда стало ясно, что второй дворец занимал обширную площадь и был построен террасами, спускающимися по склону холма. Дата разрушения дворца хорошо фиксируется началом ПЭ III В периода.

Из восточных цилиндров-печатей — 14 клинописных (с рисунками). В настоящее время некоторые ученые полагают, что часть их относится к касситско-вавилонскому периоду (XIV в. до н. э.), две — к Митанни⁴, одна — с элементами Митанни, близко напоминающая царственную фигуру из Рас-Шамры (Угарита)⁵. Одновременно в сопровождающихся текстом и несколько местных фиванских цилиндров-печатей, не сопровождающихся текстом: одна (из агата) с изображением божества, приручающего диких животных, два плоских цилиндра с изображением игр с быками и одна линзообразная печать из конгломератного камня с изображением двух лошадей, осправленная золотом⁶. Вместе с цилиндрами-печатами найдены веретенообразные бусины из лазурита, а также из камня, испещренного прожилками агата, подвески к ожерелью в форме сильно стилизованных пальмообразных листьев из лазурита.

Наибольшее внимание ученых привлек цилиндр-печать с именем царя Буррабуриша II — это надпись с интересным изображением царя, относящаяся, по датировке Ж. Нугейрола, к XIV в. до н. э. (касситско-вавилонский период)⁷:

Ki-din-Marduk
mār ša-ilim-ma-dam-qá
reš Bur-ra-bu-ri-i[a-aš]?
šār Kiššali

Кидин-Мардук⁸,
сын Ша-илима-дамца,
reš⁹ Буррабури[a-ша]?,
царя вселенной

Ж. Нугейрол поясняет: на развернутом цилиндре изображен гений воды; между раздвоенными вершинами гор он льет на землю воду, бьющую ключом из двух кувшинов; эту воду поглощают два кувшина, помещенных внизу изображения. Такая тема в этот период встречается довольно часто, но по качеству выделки и принадлежности цилиндра-печати его владельцу не исключено, что печать создана по заказу; если это так, то избранная тема рисунка могла бы иметь более точный смысл: это не просто благодетельный поток воды, проливающийся на землю, но две реки (Тигр и Евфрат), рождающиеся одна подле другой в горах Армении. Остальное поле заполнено различными символами (рис. 1).

Однако как раз эта печать-цилиндр вызывает большие сомнения в ее подлинности. Эрнст Вайднер напоминает о втором цилиндре-печати из Берлинского музея (рис. 2)

³ Сп. Маринатос, заканчивая краткий обзор находок из кадмейского дворца, отмечает, что необходима большая сумма денег для покупки земли и домов — не менее 1 миллиона долларов. Поэтому только коллективная инициатива для продолжения фиванских раскопок может разрешить эту очень трудную проблему.

⁴ См. статью: N. P l a t o n, E. S t a s i n o p o u l o u - T o u l o u r a, ILN, № 6539, 28.XI.1964, рис. 7—8.

⁵ Ср. примечания Ж. Нугейрола (ВСН, 88, 1964, стр. 778 сл.).

⁶ Возможно сирийского происхождения.

⁷ Примечания Ж. Нугейрола: ВСН, 88, 1964, стр. 778 сл.

⁸ Кидин-Мардук и Ша-илима-дамца — аккадские имена.

⁹ reš — высокий титул, трудный в определении, букв. «начальник», «глава» (caput). E. W e i d n e r, Thebai, AFO, Bd 24, Graz, 1966, стр. 193—195, рис. 77: Ki-din-^dMar-duk / mār Iša / ili-ma-dam-qá / ^{lu}sag Bur-ra-bu-ri-áš / šar ki-šār-ra / + en-ti-la hé-nir-gál («пока он жив, да пребывает он в почете»). Ср. A. F a l k e n s t e i n, «Kadmos», III, 1, 1964.

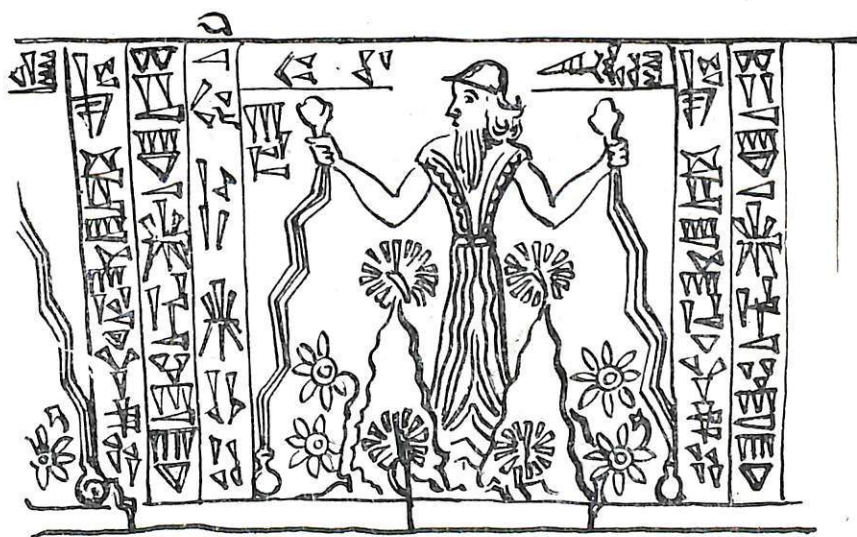

Рис. 1

с изображением, совершенно отличным по сравнению с фиванским цилиндром, но с той же надписью, заканчивающейся концовкой, которой на фиванском цилиндре нет: en-ti-la hé-nir-gál «Пока он жив, да пребывает он в почете»¹⁰. Изображение касситского царя Буррабуриаша II указывает на его типично касситский характер¹¹, тогда как нельзя безусловно утверждать касситское происхождение цилиндра из Фив. Его особенности бросаются в глаза. Для надписи не оказалось достаточного пространства: четвертая строка втиснута сверху и слева рядом с изображением. На отпечатке видны строки 1—3 и -га в строке четвертой в правильном шрифте, а слова lugal ki-šar в той

¹⁰ Ср. публикации: O. Weber, *Altorientalische Siegelbilder*, Lpz, 1920, рис. 458, 17—18.

¹¹ E. Weidner, *Thebai*, стр. 193—195, рис. 77. Происхождение берлинского печати-цилиндра неизвестно. Он был приобретен Переднеазиатским отделением Берлинского музея.

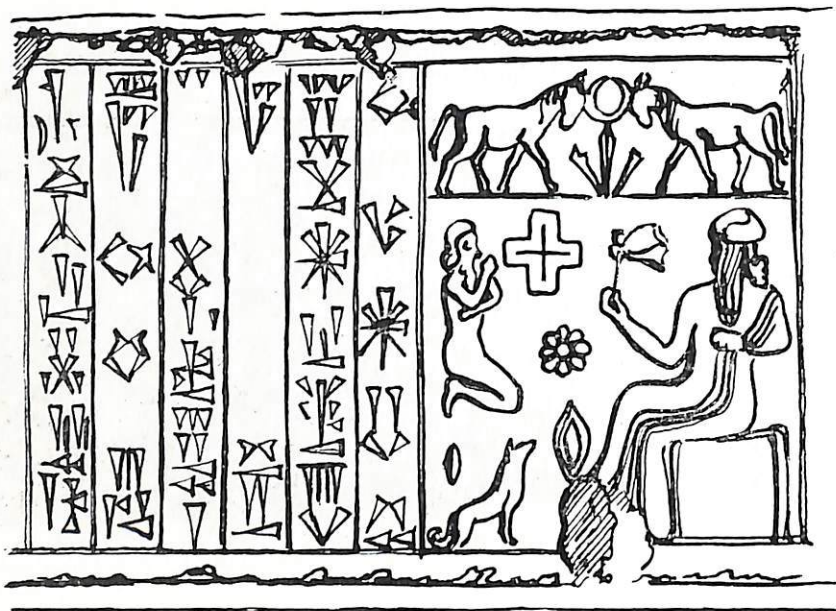

Рис. 2

Рис. 3

же четвертой строке даны в зеркальном отражении. «Ничего подобного, — пишет Э. Вайднер, — по крайней мере, насколько я знаю, в древневосточной глиптике не подтверждается документами». Далее, отмечает автор, в текстах обычно не встречается, чтобы вавилонский важный сановник обладал двумя различными печатями. Возникает предположение, что берлинский экземпляр — подлинник; позже (после смерти владельца?) эта печать попала в Сирию и там надпись частично и не без ошибок была перенесена на другой экземпляр, а торговец мог взять этот второй экземпляр в Грецию. «Это, однако, лишь смутное предположение — истину обнаружить трудно», — заканчивает Э. Вайднер¹².

¹² Weidner, Thebai, стр. 195.

Вторая цилиндр-печать изображает обнаженного героя («Гильгамеш» французских археологов), который держит каменных баранов (козлов?), стоящих перед ним на задних лапах ¹³ (рис. 3). Это — традиционный мотив, часто встречающийся с древних времен. Деревья (без сомнения виноградники) обрамляют сюжет. Обычные символы этого периода — розетки, ромбы (глаза?); точечный фриз над фигурами встречается значительно реже.

Текст второй печати:

i-na pī Marduk *
ša-kin-šu ¹⁴ libur

*По приказу Мардука,
кто им снабжен, да процветает!

Датировка второго цилиндра относится к XIV в. до н. э. (касситско-вавилонский период).

Заканчивая анализ надписей, Нугейрол пишет: «Остается объяснить или предложить гипотезу, каково их происхождение и в чем смысл сокровищницы, найденной в руинах второго фиванского дворца» ¹⁵.

В статье проф. Н. Платона и Е. Стасинопулу-Тулупы ¹⁶ приведены снимки и других цилиндров-печатей: две из них происходят из Митанни и одна — с элементами Митанни, сильно напоминающая царственную фигуру из Рас-Шамры (Угарит) ¹⁷. Одновременно были опубликованы печати-цилиндры работы фиванских мастеров (без надписей): оттиск пары коней с чечевицеобразной формы цилиндра-печати, оправленной золотом (рис. 4), и два цилиндра-печати с изображениями быков в трагическом аспекте: люди, сброшенные наземь быками (рис. 5) (все эти три печати сделаны из оникса). Н. Платон отмечает, что этот последний сюжет было бы соблазнительно сблизить с критскими «играми» быков ¹⁸.

По сообщению Эдит Порада, фиванский агат более интенсивного и темного тона, чем обычный цвет агата из Западной Азии. Лазурит мог дойти до Фив лишь торговым путем из рудников Туркестана или Бадахшана (Афганистан). «39 цилиндров, — продолжает Э. Порада, — из лазурита связаны резьбой по камню, но иногда от резьбы остались лишь ее следы, в одном случае появилась резьба нового рисунка на частично истертom цилиндре, но обычно этого не делают; мастера были заинтересованы в приобретении лазурита для вставок или инкрустации. Только один цилиндр из агата связан с резьбой, однако были также две резных печати, одна — в форме полуцилиндра, другая — так называемый плоский цилиндр» ¹⁹.

Э. Вайднер, подытоживая свои впечатления о восточных цилиндрах, пишет: «Как попали древневосточные печати-цилиндры в Фивы? Из сходных находок на островах Кипра ²⁰, Крита и Киферы ²¹, Перати ²², так же как при кораблекрушении у мыса Гелидонии мы знаем, что финикийские торговцы привозили эти мелкие произведения искусства на Запад, где они, по-видимому, находили охотных (до этого товара) покупателей. Примечательно, что все цилиндры из Фив, если сведения финикийцев соответствуют (этому), изготовлены из лазурита. Тогда можно было бы принять, что все они происходят из одной и той же мастерской. Но как они попали в сокровищницу фиванского дворца, вероятно, навсегда останется загадкой. Может быть, эти печати-цилиндры были по-

¹³ Ср. Th. Веган, AfO, XVIII, стр. 273, рис. 22.

¹⁴ Выражение ša-kin-šu, букв. «его», относится к печати.

¹⁵ Nougayrol, BCH, 88, 1964.

¹⁶ В статье Н. Платона и Е. Стасинопулу-Тулупы (ILN, № 6539, стр. 859—861) фотографии оттисков цилиндров-печатей были неправильно определены по недоразумению (№ 7, 8, 9): № 7 и 9 — как вавилонского происхождения, № 8 — восточного, № 7—8 — Митанни, № 9 — с элементами Митанни. Ср. Ed. Porada, Cylinder Seals from Thebes: A Preliminary Report, AJA, 69, № 2, 1965.

¹⁷ Cl. F. A. Schaeffer (Maison de Ras-Samra, V), «Ugaritica», II, P., 1949, стр. 41, рис. 9.

¹⁸ ILN, № 6539, 28.XI. 1964, стр. 860.

¹⁹ Porada, AJA, 69, № 2, 1965.

²⁰ См. JKF, 2, стр. 128 сл.

²¹ См. JHS, 59, стр. 137 сл.; JKF, 2, стр. 131 сл.

²² См. AfO, XVII, стр. 212, рис. 13.

Рис. 4

Рис. 5

дарком восточных торговцев владыке страны в расчете на беспрепятственную торговлю или по приказанию владыки были просто отняты у продавцов.

Если изображения цилиндров-печатей сверить между собой, то создается впечатление, что собственно из Месопотамии были только немногие из них. Большинство (а может быть все?) могли быть вырезаны в одной мастерской сирийско-хурритского культурного круга»²³.

Детальная публикация раскопок 1963—1964 гг., отчет о которых подготавливается проф. Н. Платоном, может быть, поможет осветить некоторые вопросы полнее, чем в настоящее время²⁴.

²³ Weidner, Thebai, стр. 194.

²⁴ См. Evi Touloupa, Bericht über die neuen Ausgrabungen in Theben, «Kadmos», III, 1, 1964, стр. 29, 26 сл.; она же, ILN, № 6540, 245, 5.XII.1964, стр. 396 сл.

Г. Катлинг и А. Миллет подвергли научно-техническому исследованию 18 стремянных ваз с надписями на них; сходные при внешнем осмотре друг с другом вазы оказались в результате химического анализа, проведенного в лабораторных условиях, различными по составу глины. Таким образом, возможно это свидетельствует о наличии групп разного происхождения: только две вазы оказались фиванскими, две — пелопоннесскими, а остальные происходят из двух мастерских Восточного Крита²⁵.

«Если эти результаты подтвердятся позднейшими исследованиями, — пишет Л. А. Стелла, — то мы встречаемся с новыми элементами исключительного интереса. Большая часть восемнадцати ваз с надписями, находившаяся в коридоре Кадмейона, происходит с восточнокритского побережья Палеокастро и Закро; это не только согласуется с гипотезой, высказанной значительно ранее А. Эвансом²⁶ о прямых сношениях по Эгейскому морю Крита с Фивами, но также, по мнению Л. Р. Палмера²⁷, может служить косвенным подтверждением экспансии греческой гегемонии на Крите»²⁸.

Однако Ж. Нугейрол смотрит не столь оптимистично на возможность установления более точной хронологии периодов ахейских государств. Его вывод довольно пессимистичен: «Однако, — пишет он, — столь значительные и столь любопытные открытия не подают большой надежды, что эти находки окажут большую помощь для хронологии микенского периода»²⁹.

По-видимому, трудность состоит в том, что неизвестно, были ли эти цилиндры печати своего рода перепиской (как предполагали некоторые), или лишь случайными покупками, появились ли они в результате захвата или торгового обмена, или они были взяты, как полагают некоторые ученые, из храма или храмов, что также не исключено.

Находка хеттской еще не опубликованной печати-цилиндра заставляет вновь обратиться к проблеме Ахийявы, особенно если принять во внимание наличие представителей «ахейцев» при хеттском дворе и в государствах-сателлитах XIV в. до н. э., отмеченное дипломатической перепиской Богазкёя³⁰. Существование Ахийявы в дальнейших исследованиях может оказаться весьма вероятным.

Семь табличек греческого слогового письма в разрушенном слое у ворот Проїта датируются временем между 1380 — концом XIII в. до н. э. Возможно, что эти таблички могли принадлежать архиву, в большей своей части разрушенному. Особый интерес наряду с вооружением (наконечники копий, стрел, дротики, мечи, ножи, кожаные наплечники в виде перекрещивающихся треугольников на плечах и груди с прилегающими друг к другу бронзовыми пластинками, нашитыми на кожу в нижней части кирасы) вызывают две колонны из слоновой кости в форме пучков папируса, вершина которых завершается изгибающимися листьями. Основы колонок из слоновой кости украшены врезанными кругами. Прямоугольные впадины в двух направлениях указывают, что обе колонны были соединены друг с другом горизонтальными, очевидно, деревянными плитами. Возможно, что эти колонны поддерживали навес над царским тронном. При дальнейших раскопках были найдены две ножки тронного кресла, скрепленные между собой и выточенные из аметиста.

Высшее развитие Кадмейона — XIV в. до н. э., период, в который существовала особенно тесная связь царского дворца Кадма с Востоком. До сих пор неясно, кем было основано это поселение, так резко отличающееся своим инвентарем от других микенских дворцов. Ева Тулупу, вместе с Н. Платоном осуществляющая руководство раскопками дворца, предполагает, что древние минойско-микенские поселения вдоль

²⁵ A. Millet, H. W. Catling, «Archaeometry», 8, 1965, стр. 1—85; ср. доклад на конгрессе в Риме (Atti e Memorie del 1 Congresso Internazionale di Micenologia, I, Roma, 27.IX—3.X.1967): L. A. Stella, Considerazioni storiche sui testi scritti di Tebe, стр. 517—523.

²⁶ A. Evans, The Palace of Minos, IV, L., 1935, стр. 738 сл.

²⁷ L. R. Palmer, The Minoans and the Mycenaeans (2-е изд.), N. Y., 1965, стр. 203 сл.

²⁸ Ср. Stella, ук. соч., стр. 520.

²⁹ BCH, 88, 1964.

³⁰ Ср. Stella, ук. соч., стр. 250.

финикийского побережья основали здесь колонию (Кадмею) в наиболее подходящем районе для создания индустриального и торгового центра, снабжающего сырьем и изделиями центры Востока. Однако это остается проблематичным.

Вновь возобновились споры о Кадме. К. Белох³¹ решительно отвергал возможность существования финикийских поселений на побережьях и островах Эгейского моря; появление финикийцев, как это было общепризнано, могло произойти не ранее VIII в. до н. э. Он полагал, что такие имена, как Минос, Феникс, Кадм, Европа и др., — это «хорошие греческие имена». В древних частях гомеровских поэм финикийцы не встречаются. Однако многие ученые подвергают справедливому сомнению возможность точного определения «древних частей» поэм Гомера. К. Белох также отрицал реальность критского влияния в Эгейском бассейне, однако многочисленные находки критских вещей на островах и материке Греции опровергают мнение Белоха. Эд. Мейер еще в 1893 г. писал, что «путешествия финикийцев в их историческом значении могут быть сравнены с открытием Америки в XV в. Они ввели море в историю»³².

В. Хоу и И. Уэллс³³ указывают на ряд восточных (финикийских) географических наименований, как, например, Атабирис (Табора) на о-ве Родосе, Иарданус (Крит), Соли (Киликия) и ряд личных имен (например Мелькарт — коринфский герой Меликерт).

До открытия в Фивах тесной связи с Востоком Хоу и Уэллс, как и многие другие исследователи, относили возможность финикийских поселений и факторий к периоду, непосредственно следующему за крахом микенской цивилизации. Они отмечали проникновение финикийцев на о-в Родос (особенно в некрополях Камира и Ялуса). Финикийское влияние прослеживается на островах Эгейского моря, как это отмечал Фукидид (I, 8), а также на Кифере (I, 105), в Коринфе и, возможно, даже в Аттике (ср. «Марафонский бык»). Вторая линия — путь к восточному побережью Малой Азии вплоть до Пропонтиды и о-ва Фароса (Thuc., VI, 47, 2), где существовали финикийские рудники. От финикийцев греки научились добывать пурпур, а также освоили ремесло рудокопов; от финикийцев позже заимствован и алфавит. Не подлежит сомнению, что до завоевания Финикии Ассирией финикийцы преобладали на западных морских путях (ср. Thuc., VI, 2, 6: ἐμπορίας ἐνεχεν).

Основываясь на сравнительно поздней датировке, Белох отрицает какую-либо возможность связи Фив с финикийцами. Согласно более позднему мифу, имеющему целью показать греческое происхождение Фив, Белох полагает, что по древнему мифу Фивы были основаны не Кадмом, но Амфионом и Зетом (Одиссея, XI, 262 сл.), сыновьями местной нимфы; поэтому, пишет Белох, хотя имя «Kdm» (Восток) несомненно семитское, однако у него нет дериватов для образования собственного имени «Кадм».

Последние раскопки второго фиванского дворца и их неожиданные результаты на этот раз бесспорно подтвердили тесную связь с рядом древневосточных государств. Такой осторожный ученый, как Платон, отмечает возможность происхождения некоторых цилиндров с о-ва Кипра или из Финикии. Последнее могло бы подтвердить, по его мнению, финикийское происхождение Кадма, который, согласно традиции, прибыл на Финикийское побережье из какой-то минойской колонии. Во всяком случае, заключает он, тесные связи Фив с Востоком неоспоримы. Иногда выдвигается мнение, что Фивы с округой могли быть лишь центром земледелия, поскольку в VIII—VII вв. до н. э. Фивы были скромным земледельческим поселением. Г. Бузольт и К. Белох³⁴ полагали, что географическое положение Беотии, удаленной от моря, указывает само по себе на невероятность финикийского поселения именно здесь. Однако географическое положение Кадмеи явно свидетельствует в пользу восточных влияний.

³¹ K. J. Beloch, *Griechische Geschichte* 2, I, 2, B. — Lpz, 1926, стр. 61—62, 65—76.

³² Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, Stuttg., 1893, стр. 142.

³³ W. W. How, J. Wells, *A Commentary on Herodotus with Introduction Appendixes*, II (Books, V—IX), Oxf., 1957, s. v.

³⁴ Ср. Beloch, *Griechische Geschichte*, I, 2, главы VI (стр. 61—62) и VII (стр. 65—76); G. Busolt, *Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia*, I², Gotha, 1833, стр. 249 сл.

Положение дворца в Беотии было господствующим в этом районе. Страбон отмечает плодородие почвы. По утверждению Эфора, Беотия превосходит все соседние с ней племенные территории и только она одна владеет тремя морями (*Μόνη τριθάλαττος ἐστὶ*) и большим количеством гаваней: в Крисейском и Коринфском заливах фиванцы получают товары из Италии, Сицилии и Ливии, тогда как побережье, примыкающее к Еврипу, открывало путь к Египту, Кипру и островам на север, т. е. к Македонии, Пропонтиде и Геллеспонту. Передавая эти сведения Эфора, Страбон продолжает: «Таким образом, Эфор хвалит эту страну за ее преимущества, и она, по его словам, от природы приспособлена для господства» (Strabo, VII, 2, 2).

От Кадмен путь пролегал через Орхомен и Крису, а второй — от Киферона до Саронического залива. В то же время следует обратить внимание на то, что Фивы были расположены и в центре торговых сухопутных путей в направлении от Пелопоннеса к Фессалии (к дворцу Йолка, раскопки которого сравнительно недавно начались) и к Македонии. Таким образом, Фивы были одним из крупнейших центров как морской, так и сухопутной торговли.

Геродот утверждал, что финикиец Кадм впервые принес в Грецию письменность (*γράμματα*). «Дом Кадма, — пишет Э. Фермель, — настолько связан в истории и мифологии с бронзовым веком Ханаана, что нельзя легкомысленно отбрасывать эту традиционную версию или полностью относить ее к VIII веку»³⁵.

Находки клинописных цилиндров-печатей подтвердили связь с Востоком, прежде всего с Сирией и Малой Азией. Г. Леви отмечает, что термин «Кадм» (*Kdm*) имел хождение в Угарите (*Qdmn il-un*), букв. «вперед», а в приложении ко времени «более ранний», отсюда происходит и попытка объяснить имя Кадма как «старейшего»³⁶.

В 1958 г. Сп. Маринатос, интерпретируя легенду о Кадме и принесенной им письменности, полагал, что юго-западный (протофиникийский) алфавит был известен в Микенской Греции одновременно с греческим слоговым письмом В³⁷.

Интересно отметить, что на островах (Родос, Фасос, Самофракия и Фера) хотя и существовали свои местные легенды о возникновении финикийских колоний, все усиленно прилагалось к тому, чтобы связать каждую отдельную легенду так или иначе с именем Кадма³⁸.

К. Латте пытался связать имя Кадма с Милетом или Приеной в качестве предка Кадмидов, которые позже переселились в Фивы. Однако здесь процесс скорее обратный: в результате миграции Кадмиды появляются значительно позже в городах Ионии. Наиболее древний источник (поэмы Гомера) это ясно показывает: у Гомера Фивы всегда называются Кадмеей, а обитатели дворца — кадмейцами. Все мифы о Кадмее локализованы в Фивах³⁹.

Речь могла идти о колонизации в Ионию, но обратного движения не происходило: Кадм стал считаться финикийцем лишь между 650—550 гг. до н. э. (несомненно под влиянием Милета).

М. Нильсон писал, что Фивы — единственный город, имевший свою героическую легенду об основании. Всем легендам других древних городов приписывалось божественное происхождение, однако ни один из них не имеет мифа об основании своего города. Таким образом, до некоторой степени легенда о Кадме и Кадмее — наиболее полная, наиболее богатая мифологическими преданиями и, без сомнения, наиболее древняя (ср. у Варрона: «Фивы — самый древний город мира»⁴⁰). Сп. Маринатос в

³⁵ E. Vermeule, *Greece in the Bronze Age*, Chicago — London, The Univ. of Chicago Press, 1964.

³⁶ H. Lewy, *Die semitischen Fremdwörter im Griechischen*, B., 1895, стр. 214. Ср. R. Brown Jr., *Semitic Influence in Hellenic Mythology*, L., 1898, стр. 214.

³⁷ Sp. Marinatos, *Γραμμάτων διδασκαλία. Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag v. J. Sundwall*, hrsg. v. E. Grumach, B., 1958, стр. 226 сл.

³⁸ K. Latte, s. v. *Kádmos*, RE, X, 2, 1460 сл.; ср. M. C. Astour, *Hellenosemitica*, Leiden, 1965, стр. 147.

³⁹ W. Stoltzing, *Gab es König Kadmos wirklich? (Neue Ausgrabungen in Theben)*, «Die Welt», № 267, 14.XI.1964.

⁴⁰ Varro, *De re rust.* III, 1, 3.

«Археологической хронике» отмечает: «Теперь очевидно, что дворец Фив был самым крупным из всех микенских дворцов. В то же самое время является несомненным, что этот дворец был несколько более ранним по времени, чем остальные дворцы; он был разрушен в результате сильного пожара и превратился в руины, не подвергаясь ограблению»⁴¹.

Лазурит, из которого изготовлены почти все цилиндры-печати, — камень негреческого происхождения. Большое количество аметиста, оникса и агата, а также драгоценные камни, слоновая кость, стекловидная паста и хрусталь, найденные в помещении дворца (может быть в царских мастерских), — все это указывает на ввоз этих товаров в Кадмею из восточных стран, а также из Египта.

Стены обоих дворцов покрыты фресками: в первом дворце — изображения женщин в голубой одежде, участниц священной процессии; во втором дворце найдены многочисленные мелкие фрагменты рыб, плавающих в море; это скорее всего напоминает фрески минойского Крита, но для ранних периодов микенского времени (III A и B) это очень характерные темы. С этими критскими мотивами живописи согласуются выводы Сп. Маринатоса о том, что во дворцах Пелопоннеса (после гибели города Илики на о-ве Фере и опустошения разрушенных дворцов на Крите) критские мастера стали учителями греков.

Возможно, что слоговое письмо *B* впервые было применено именно в Фивах, как в первом дворце на территории южных Балкан. Широкие связи не только с Критом, но и островами (особенно, может быть, с Кипром, Финикией и Сирией) выделяют Фивы по богатству своего инвентаря и роскоши «тронного» зала из всех остальных известных нам микенских дворцов.

К. М. Колобова

THE CYLINDER SEALS FOUND IN THEBES AND THE CADMUS DEBATE

by K. M. Kolobova

In Thebes in 1963, while the ground was being prepared for laying the foundations of a large house near the modern marketplace, remains of classical walls were found and, in the south-western part of the site, the eastern and northern walls of a Theban palace of the Mycenaean epoch (built somewhat earlier than the other palaces of this epoch found in Greece) which had been destroyed by fire. From the debris of the collapsed the second storey of the palace gold, agate and ivory jewelry, weapons and vases of bronze, and semi-precious stones were recovered. Oriental cylinder seals were also found, some of them Theban. Near the ancient gates of Proteus, besides Burnaburiash, and the origin of these seals is debated (J. Nougayrol, E. Porada, N. Platon, E. Weidner, L. R. Palmer, O. R. Gurney, E. Grumach, A. Falkenstein, F. M. Ahl, L. A. Stella and others). Some have questioned the origins and even the existence of Cadmus, and so far this problem has not been solved. The presence of ornaments made of lapis lazuli, agate, amethyst, onyx, precious stones, glass paste and ivory suggests economic ties with the Orient and Egypt.

Opinions have differed regarding the authenticity of the inscribed lapis lazuli cylinder seals bearing a representation of the Kassite king of Babylon, Burnaburiash, and the origin of these seals is debated (J. Nougayrol, E. Porada, N. Platon, E. Weidner, L. R. Palmer, O. R. Gurney, E. Grumach, A. Falkenstein, F. M. Ahl, L. A. Stella and others). Some have questioned the origins and even the existence of Cadmus, and so far this problem has not been solved. The presence of ornaments made of lapis lazuli, agate, amethyst, onyx, precious stones, glass paste and ivory suggests economic ties with the Orient and Egypt.

The walls uncovered during the first (the work of the late A. Keramopoulos) and second excavations of the palace are decorated by frescoes showing Cretan influence. It now seems that the palace of Thebes may have been the largest of all the Mycenaean palaces (Sp. Marinatos). The excavations have also uncovered ivory columns and fragments of the throne of a βασιλεύς and two legs belonging to this armchair-throne of lapis lazuli, the binding of which is decorated by gold ornaments. This seems to accord with the opinion of Sp. Marinatos, who has suggested that after the volcanic eruption on the island of Thera, which lies not far from Crete, the Cretan

⁴¹ Sp. Marinatos, Thebes, «Athens Annals of Archaeology», № 1, 1968, стр. 16.

artisans left their country and became teachers to Greek artisans in the Peloponnese and also, perhaps earlier, in Boeotia.

The part of modern Thebes in which the palace was found is densely populated and the considerable cost of moving the people elsewhere puts great difficulties in the way of further excavation.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА КЕРКИНИТИДЫ

«Немногие маленькие города вызвали по отношению к себе такое непропорциональное количество споров, как Керкинитида» (E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 490)

Вопрос о тождестве Каркинитиды, упоминаемой Гекатеем Милетским (фр. 153) и Геродотом (IV, 55 и 99), с Керкинитидой более поздних письменных, и в частности эпиграфических, источников (IOSPE, I², 352, 401; Arr., PPE, § 30; Anon., PPE, § 83), локализовавшейся в некоторых вариантах в районе современной Евпатории, долгое время был спорным¹, и еще не так давно в научной литературе высказывалось мнение, что это были два разных города, первый из которых находился вне Крыма². Такая точка зрения была обусловлена определением Каркинитиды как «города скифского» у Гекатея, трудностью локализации этого города по Геродоту, недостаточной изученностью находок эпохи Гекатея (VI—V вв. до н. э.), происходящих из окрестностей Евпатории³, а также нижних слоев самого Евпаторийского городища, где сейчас с наибольшим основанием помещается Керкинитида. Кроме того, разница в названии сама по себе оставляла место для сомнения.

Убедительным аргументом против гипотезы «двух Керкинитид» явилось открытие раскопками М. А. Наливкиной на Евпаторийском городище слоя рубежа VI—V вв. до н. э.⁴ Другие аргументы, подрывающие основы этой гипотезы, выдвигались учены-

¹ См., например, П. О. Бурачков, О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих, ЗООИД, IX, 1875, стр. 119; он же, Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами, ЗООИД, XII, 1881, стр. 244; А. В. Орешников, Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 3—4.

² С. А. Жебелев, Скифский рассказ Геродота, СП, стр. 314; он же, Херсонесская присяга, СП, стр. 219, 230, 231, 238; М. А. Наливкина, О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма, СА, VI, 1940, стр. 107; В. Ф. Гайдукевич, рец. на кн. Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», ВДИ, 1949, № 3, стр. 144; он же, Боспорское царство, М.—Л., 1949, карта в конце книги; он же, Очерк истории, сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, карта между стр. 24 и 25; «Очерки истории СССР, Первобытно-общинный строй 1955, карта между стр. 344 и 345; и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, карта между стр. 344 и 345.

³ См. о них: Н. Ф. Романченко, К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории, АИЗ, I, 1894, стр. 9—15; он же, Материалы по археологии Евпаторийского у., ЗРАО, VIII, 1—2, новая серия, 1896, стр. 219—236; он же, Раскопки в окрестностях Евпатории, ИАК, 25, 1907, стр. 172—187; Л. А. Момсеев, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, ИТУАК, 54, 1918, стр. 250 сл.; В. Ф. Штифтар, П. Я. Ченурин, Евпатория-Каркинитида как часть Херсонесского округа, Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10—13 сентября 1927 г., Севастополь, 1927, стр. 35; А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, VI, Херсонес и Керкинитида, ВДИ, 1955, № 3, стр. 38.

⁴ М. А. Наливкина, Раскопки в Евпатории, КСНМК, 58, 1955, стр. 64; она же, Херсонес и Керкинитида в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева, ПСЭИДМ, стр. 288 сл.